

ВЕЛИЧАЙШАЯ ПРОБЛЕМА НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

*Не требуется, чтобы другим было облегчение,
а вам тяжесть, но чтобы была равномерность.
Ныне ваш избыток в восполнение их недостатка;
а после их избыток в восполнение вашего недостатка,
чтобы была равномерность, как написано:
«Кто собрал много, не имел лишнего; и кто мало,
не имел недостатка».*

– 2 Коринфянам 8:13–15

*Я все больше начинаю ценить, как нечто самое важное,
милосердие и любовь к ближнему... Весь наш хваленый
технологический прогресс, – суть нашей цивилизации, –
напоминает топор в руке патологического угловника.*

– Альберт Эйнштейн

Несколько лет назад мне выпала возможность провести некоторое время с бывшим президентом США Джимми Картером. В то время «World Vision» в сотрудничестве с организацией «Habitat for Humanity» занималась одним из масштабных проектов по «молниеносному

строительству» на Филиппинах, и мне выпало строить тот же дом, что и президенту Картеру. (На момент нашей встречи ему уже было под восемьдесят, и я поражался, как он был готов подолгу работать на палящем солнце, выполняя тяжелый ручной труд.) По ходу дела Картер рассказал, что его только что попросили подготовить речь, которая ответила бы на вопрос: «С какой наибольшей проблемой столкнется человечество в XXI веке?» Шел 1999 год, и внимание всего мира было обращено к наступлению нового тысячелетия. Вывод бывшего президента США меня очень удивил. Он считал, что величайшей проблемой нашего времени является *растущая пропасть между богатейшими и беднейшими людьми на земле*.

Спустя три года Картер был награжден Нобелевской премией мира за достижения в борьбе с бедностью и болезнями, а также за содействие распространению демократии в годы после его президентства. В своей речи на церемонии награждения он повторил мысль, высказанную когда-то на строительной площадке «Habitat for Humanity»:

В начале этого тысячелетия меня попросили обсудить здесь, в Осло, величайшую проблему, с которой сталкивается мир сегодня. Я решил, что среди всех возможных вариантов наиболее серьезной и универсальной проблемой является растущая пропасть между богатейшими и беднейшими людьми на земле. Жители десяти богатейших стран сегодня в 75 раз богаче тех, кто живет в десяти беднейших странах, и этот разрыв с каждым годом увеличивается; причем не только между нациями, но и внутри них. Именно результаты такого неравенства являются основной причиной большинства неразрешенных мировых проблем, включая голод, безграмотность, ухудшение состояния окружающей среды, вооруженные конфликты и болезни, кото-

рых можно было бы избежать, начиная от ришты и заканчивая ВИЧ/СПИДом.¹

Это были слова человека, который не понаслышке знал, о чем говорил. Он был президентом Соединенных Штатов, посетил около двухсот стран и встречался с большинством глав мировых держав. Картер, несомненно, был достаточно компетентен, чтобы высказывать свое мнение по данному вопросу. Впрочем, больше изумляет даже не то, *что* он считал величайшей проблемой, с которой столкнулся этот мир, а все то, что он таковой *не* считал. Хотя Картер произнес свою речь всего лишь через год после террористической атаки на Всемирный торговый центр 11 сентября 2001 года, он даже не упомянул о глобальном терроризме или религиозном экстремизме. В его речи не было сказано ничего об изменениях климата, глобализации, ядерной угрозе, ВИЧ и СПИДе, политической коррупции, этнических и религиозных конфликтах. Также Картер не указал на голод, безграмотность или болезни. Вместо этого он увидел, что основная причина многих из перечисленных проблем – это «растущая пропасть между богатейшими и беднейшими людьми на земле». Заметим также, что в качестве самой большой проблемы, с которой столкнулся мир, Картер назвал не саму нищету, а *неравенство* между богатыми и бедными. Если бы мы все были богатыми (или, по крайней мере, достаточно обеспеченными), то это не создавало бы проблем. И наоборот, если бы мы все были бедны, то не было бы никого, кто мог бы помочь другим. Однако, когда одна часть мира богата, а другая бедна, это, несомненно, создает нравственную и практическую дилемму.

Недавно я побывал вместе с женой в южноафриканском Кейптауне – одном из самых красивых и удивительных городов мира. Мы отправились туда, чтобы взглянуть на некоторые проекты «World Vision» и навестить баптистскую церковь «Fish Hoek», известную своим замеча-

тельным служением для больных СПИДом. Кроме того, мы выкроили пару дней для осмотра достопримечательностей, однако нам это принесло мало радости. Кейптаун – один из тех немногих уголков планеты, где самая невообразимая нищета сосуществует с баснословным богатством, и порой друг от друга их отделяют всего лишь полсотни метров. В тени роскошных особняков, высотных отелей и дорогих супермаркетов раскинулись гектары захудалых лачуг, наполненных голодом, нищетой, преступностью, болезнями и отчаянием. В них обитают сотни тысяч измученных человеческих существ. «Имущие» живут в огражденных высокими заборами городках, оснащенных камерами видеонаблюдения. «Неимущие» наблюдают из своих жестяных лачуг за проносящимися мимо них «мерседесами» и «БМВ» из другого мира. Для меня это стало миниатюрной моделью той «пропасти», о которой сказал президент Картер. Я недоумевал: как представители высшего и среднего класса могут жить подобным образом, *изо дня в день* сталкиваясь лицом к лицу со столь разительным контрастом между собой и безнадежными бедняками?

Они поступают точно так же, как мы с вами, попросту игнорируя вопиющую нищету вокруг. Единственное отличие заключается в том, что нам проще игнорировать беднейших из обитателей земли, потому что они находятся «где-то там».

Президент Картер завершил свою речь на пессимистичной ноте, высказав сомнение в отношении того, что пропасть, о которой он говорил, будет когда-либо преодолена: «Как это ни трагично, в индустриализированном мире налицо ужасающее отсутствие сочувствия или внимания к тем, кто влачит свое существование в отчаянии и безнадежности. Мы еще не посвятили себя тому, чтобы поделиться с другими заметной частью своего непомерного богатства. Каждому из нас следовало бы согласиться принять на себя эту ношу, ибо она не останется без награды».²

КТО МОЙ БЛИЖНИЙ?

Передача почтовых сообщений, передача голоса, передача движущихся картинок... В этом столетии, как и в других, высочайшие из наших достижений по-прежнему преследуют единственную цель: объединить людей.

– Антуан де Сент-Экзюпери

Поскольку вторая наибольшая заповедь повелевает нам любить ближних, как самих себя, возникает крайне важный вопрос: «Кто мой ближний?» Должны ли мы в мире имущих и неимущих считать своими ближними бедствующих людей, которые живут за десятки тысяч километров от нас?

Этот же вопрос: «Кто мой ближний?» – стал подоплекой известной притчи о добром самарянине (Луки 10:25-37). Некий «законник» пытался понять пределы своей ответственности в отношении заповеди Христа любить «ближних». Иисус в ответ рассказал общеизвестную в наши дни историю о человеке, который был избит грабителями и остался лежать на обочине дороги. Вначале мимо него прошли священник и левит (религиозные лидеры того времени), обойдя избитого стороной и совершенно проигнорировав его бедственное положение. Затем его увидел самарянин – теологический и расовый «полукровка», презираемый евреями, – он сразу же пришел ему на помощь.

В завершение этой притчи Иисус ответил вопросом на вопрос, спросив Своего собеседника: «Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам?» (стих 36).

Тот, будучи не в силах даже произнести слово «самарянин», ответил: «Оказавший ему милость» (стих 37).

Иисус вознаградил правильный ответ этого человека всего лишь шестью словами, которые, несомненно, заняли

свое достойное место среди величайших нравственных учений в истории человечества: «Иди, и ты поступай так же» (стих 37).

На протяжении следующих почти двух тысячелетий фраза «любить ближнего, как самого себя» понималась и применялась исключительно по отношению к *непосредственным* ближним – тем, с кем мы встречаемся ежедневно внутри *своих* сообществ. В прошлом было невозможно «любить» людей, живущих в сотнях и тысячах километров от нас, и только в минувшем веке или около того мы смогли получить хотя бы какое-то представление об их нуждах. До недавнего времени то, что к «ближним» могут относиться и обитатели других континентов, выглядело просто нелепо. По сути, того колоссального неравенства между богатыми и бедными странами, о котором говорил президент Картер, до начала XIX века практически не существовало. Согласно исследованиям Джеффри Сакса, в 1820 году соотношение доходов на душу населения в богатейших и беднейших регионах мира составляло четыре к одному.³ Сравните это с соотношением 75:1, озвученным Картером в 2002 году. До начала XIX века болезни и недостаток медобслуживания были жизненными фактами, затрагивающими всех людей. Нехватка чистой воды и канализации была фактически повсеместным явлением. Засухи, неурожай, голод и эпидемии время от времени опустошали почти каждую страну. Безграмотность была поголовной повсюду. Только наследие колониализма в совокупности с достижениями Промышленной революции в конце концов привели к тому, что отдельные экономики начали развиваться быстрее других. Результатом этого стал дисбаланс, который мы видим сегодня. Несмотря на то, что в течение XIX-XX веков экономическое неравенство народов лишь увеличивалось, идея о том, что состоятельные люди (или средний класс) одной страны несут ответственность за бедняков другой не находила широкой поддержки. Наверное, един-

ственным исключением были тысячи миссионеров, которые ехали к другим народам, чтобы там достигать своих ближних. Их героические усилия в деле Христа нельзя не упомянуть, потому что они неизбежно были направлены на решение проблем бедности, несправедливости, болезней и безграмотности, с которыми сталкивались эти люди. Однако для подавляющего большинства представителей этих слоев общества три основные преграды стояли вплоть до середины XX века на пути каждого, кто хотел любить своих «далеких ближних»: проблемы *осведомленности, доступности и возможностей*.

ОСВЕДОМЛЕННОСТЬ

Для того чтобы кто-то мог взять на себя ответственность за оказание помощи нуждающимся, прежде необходимо знать о самом существовании нужды. До начала XX столетия отсутствовали массовые средства международной связи. Существовал телеграф, но он не был широко распространен, а телефон и вовсе еще оставался диковинкой. Вещательных радиостанций, равно как и владельцев радиоприемников, до начала двадцатых годов в США было не так уж много, а телевидение превратилось в средство массовой информации только в сороковые-пятидесятые годы. Как следствие, единственным постоянным и доступным источником международной информации были газеты, большинство которых уделяло мало внимания тому, что мы сегодня называем «гуманитарными проблемами». Даже после Второй мировой войны возможности средств массовой информации в нашем теперешнем понимании были ограничены. Так, в Соединенных Штатах к 1949 году было продано только 3,6 миллиона телевизоров, и большинство из них принимали только один или два канала.⁴

Основатель «World Vision» Боб Пирс вернулся из Кореи в 1950 году с 16-миллиметровыми пленками, где

были визуально задокументированы страдания детей и опустошение, которое принесла война в жизни людей.

Нам сегодня трудно представить,

насколько шокирующими

были эти фильмы для тех,

кто их просматривал,

когда Пирс ездил с ки-

нопроектором по Со-

единенным Штатам,

из церкви в церковь.

Столь яркие картины

никогда не попадали

через океан в неболь-

шие города Америки.

Неудивительно, что зри-

тели откликнулись лавиной

пожертвований, которые поз-

волили молодой организации

«World Vision» принести тем детям помощь, в которой они так отчаянно нуждались.

Сегодня мы живем в мире, насыщенном масс-медиа,

опутанном компьютерными сетями и интернетом, запру-

женном мобильными телефонами, и все, что бы и где бы

ни случилось, мгновенно оказывается доступным везде. На

нас днем и ночью, семь дней в неделю, обрушиваются кар-

тинки и истории человеческих трагедий и страданий.

Международные благотворительные организации постоян-

но рассылают послания через интернет и другие сред-

ства вещания, предлагая любые удобные «решения» для

тех, кто хочет помочь, но не знает как. Неосведомлен-

ность больше не является проблемой. И все же лишь

4 процента всех пожертвований на благотворительность в

США идут на какие-либо международные проекты.⁵ Мы

стали беспристрастными и безразличными к постоянно

бомбардирующим нас картинам нищеты и бедствий. Наша

апатичность даже обрела собственное определение:

Сегодня мы живем в
мире, насыщенном масс-медиа,
опутанном компьютерными се-
тями и интернетом, запруженном
мобильными телефонами, и все, что
бы и где бы ни случилось, мгно-
венно оказывается до-
ступным везде

«усталость сострадания». ⁶ Однако мы *не можем* заявить, что не знаем о нуждах наших «далеких ближних». Неосведомленных на сегодня уже не осталось.

ДОСТУПНОСТЬ

Как видим, недостаток *осведомленности* был проблемой до Второй мировой войны, однако не менее серьезным препятствием была и *труднодоступность* страдающих народов. До 1940 года американцы крайне редко совершали международные путешествия, и авиаперевозки еще не были общедоступными. Статистика показывает, что в 1930 году международные перелеты совершили лишь 42570 американцев, и большинство из них – в европейские страны. ⁷ Почти никто не имел возможности отправиться в Африку, чтобы увидеть собственными глазами тех, кто страдает от недостатка еды, воды, санитарии и медицинского обслуживания, или фактически сделать что-то для них. К 1949 году количество международных пассажиров возросло почти до полутора миллионов, но все же это была лишь малая часть населения США. ⁸ Сравните эти цифры со статистикой 2005 года: международные перелеты совершили свыше 150 миллионов американцев. ⁹ Сегодня мы можем менее чем за сутки оказаться на другом конце планеты, к тому же сотни миллионов людей ежегодно летают в другие страны. Теперь у нас есть возможность не только увидеть тех, кто живет в крайней нищете, но и помочь им.

ВОЗМОЖНОСТИ

Хотя мы и стали более *осведомленными* о беднейших из бедняков в других странах, и получили большой *доступ* к ним, наши возможности предоставить им эффек-

тивную помощь некоторое время оставались ограниченными. Это правда, что даже до Второй мировой войны прогресс в сфере здравоохранения в развитых странах был значительно ощутимее по сравнению со странами третьего мира. Уже существовали вакцины от таких болезней, как оспа и тиф, а фундаментальные знания в областях оказания первой помощи, культуры питания, распространения инфекционных заболеваний и безопасного деторождения давали возможность помогать слабо развитым сообществам. Однако, лишь последние пятьдесят лет наше понимание сложных взаимосвязей между нищетой, здоровьем, культурой и экономикой позволило реализовать эффективные и сбалансированные стратегии решения проблемы бедности.

Сегодня в нашем распоряжении комплексные, проверенные на деле меры по решению множества вопросов здравоохранения на уровне стран, включая малярию, полиомиелит, туберкулез, пневмонию, ВИЧ и СПИД, дородовой и послеродовой уход, питание, авитаминозы, тропические болезни, борьбу с паразитами и основные детские заболевания. У крупных разнопрофильных организаций наподобие ВОЗ, Центра по контролю заболеваемости и национальных институтов системы здравоохранения США, теперь за плечами десятилетия борьбы с этими и другими глобальными проблемами. Существует множество новых технологий по разработке безопасных источников воды, использующих современные методы обнаружения водоносных слоев, бурения скважин и очистки, сбора дождевой воды. Одно только это может в кратчайшие сроки вдвое сократить детскую смертность в странах, испытывающих нехватку чистой воды. Так называемая «зеленая революция» в сельском хозяйстве, начавшаяся в 1950-х годах, привела в итоге к значительному повышению урожайности, благодаря чему с одного гектара пахотной земли теперь может прокормиться гораздо больше людей. Кроме того, начиная с 1970-х годов, по-

явилась целая область микрофинансирования, призванная решать проблемы бедности на уровне экономики отдельного человека или общины. Мы полнее идентифицировали социологические взаимосвязи между нищетой и такими вещами, как гендерные роли и культурные практики. При этом сотни уважаемых и компетентных гуманитарных организаций, действующих на местах, предлагают каждому американцу простые возможности принять участие в их работе. Короче говоря, впервые за всю историю человеческой расы мы осведомлены о наших ближних, находящихся в отчаянном положении во всех уголках мира, имеем доступ к ним, *а также* – возможности оказать им помощь. Сегодня существуют программы, средства и технологии, позволяющие практически полностью устранить из нашего мира крайние формы бедности и страданий. Вот уж действительно радостная новость для бедных... или нет?

Оказывается, не совсем, потому что мы не исполняем свою часть.

Подведем итоги. Если мы знаем о страданиях наших далеких ближних (а мы знаем), если у нас есть к ним доступ, будь то непосредственно либо через гуманитарные и благотворительные организации (а он у нас есть), и если мы обладаем возможностями изменить их положение с помощью действенных программ и технологий (а это все тоже имеется), то можем ли мы и впредь поворачиваться спиной к этим ближним, уподобляясь тому священнику и левиту, которые прошли мимо истекающего кровью на дороге?

Вслушайтесь в слова современного пророка, и пусть они станут для вас вызовом:

Ежедневно от предотвратимых и поддающихся лечению болезней, наподобие СПИДа, малярии и туберкулеза, умирают 15 000 африканцев, потому что у них нет лекарств, которые мы воспринимаем как нечто само собой разумеющееся.

Одна лишь эта статистика показывает всю нелепость идеи о равенстве, в которую свято верят многие из нас. Происходящее в Африке сводит на нет наше благочестие, подвергает сомнению наши цели и ставит под вопрос нашу приверженность этой идее в целом. Давайте будем честны. Мы никогда не могли бы даже предположить, что подобная ежедневная массовая смерть допустима где-нибудь еще. По крайней мере, не в Северной Америке, Европе или Японии. Целый континент охвачен огнем? По большому счету, верь мы на самом деле, что жизни этих африканцев равноценны нашим, то прилагали бы больше усилий, чтобы погасить этот огонь. Такова неприятная правда.

Хотел бы я сказать, что этот пророческий голос, страстный и прозорливый, принадлежит одному из великих церковных лидеров современности, тому, кто ведет Церковь Христову на передовую сражения с нищетой и несправедливостью этого мира. Но это не так. Приведенные выше слова, которые должны были бы до основания всколыхнуть наши церкви своим высоким призывом к нравственной ответственности, были произнесены рок-звездой. Этот человек за последние двадцать пять лет сделал, наверное, больше для отстаивания интересов бедняков, чем кто-либо другой из живущих на земле. Его зовут Боно. Он пылко отвечает на вопрос: «Кто мой ближний?» – а затем, так же, как Иисус, предлагает нам идти и проявлять любовь к другим, «как к самим себе». Пламенный призыв Боно озвучивает нравственные обязанности, неотъемлемо существующие между теми, кто страдает без нужды, и теми, кто силен вмешаться.

Прислушайтесь еще раз к словам Боно, призывающим наше поколение оставить свой след в истории:

Мы можем стать поколением, которое перестанет соглашаться с тем, что жизнь и смерть ребенка определяется географической широтой его обитания, но станем ли мы им? Осознаем ли мы, живущие на Западе, свой потенциал, или будем и дальше спать в комфорте своего достатка, прислушиваясь к голосу апатии и безразличия, нашептывающему в наши уши успокоительные речи? Пятнадцать тысяч человек ежедневно умирают от СПИДа, туберкулеза и малярии, хотя они могли бы жить. Матери, отцы, учителя, фермеры, медсестры, механики, дети... Это кризис Африки. О нем не говорят в вечерних новостях, мы не бьем тревогу, — и в этом *наш* кризис.

Будущие поколения, перелистывая страницы нашего времени, будут знать, ответили ли мы на ключевой вопрос. Об этом будет свидетельствовать окружающий их мир. История станет нашим судьей, и то, что будет написано на ее страницах, зависит от нас. Мы не сможем возразить, что наше поколение не знало, как поступить. Не сможем сказать, что не могли себе этого позволить. И мы не сможем утверждать, что наше поколение не видело причин сделать это. Выбор за нами.¹⁰

Президент Картер идентифицировал дыру в нашем обществе, выраженную в бедности, человеческих страданиях и неравенстве. Он видит, что этот мир с тревожной скоростью рухнет по мере того, как богатые богатеют, а

Будущие поколения, перелистывая страницы нашего времени, будут знать, ответили ли мы на ключевой вопрос. Об этом будет свидетельствовать окружающий их мир.

бедные нищают, все больше и больше увеличивая социальное и международное неравенство и изоляцию. Боно тоже видит дыру – дыру в нашей нравственности. Он видит бедняков этого мира, лежащих избитыми и окровавленными на обочине, в то время как большинство из нас проходит мимо, не останавливаясь. Как бы вы к этому ни относились, существует *дыра*, которую необходимо заполнить, и она становится все глубже.

